

А. М. Мелихов¹

РУССКОЕ ГЕТТО И ПРОИЗВОДСТВО ГЕНИЕВ

Проблема национальной дискриминации всегда касалась русских только одной стороной — их обвиняли в том, что они дискриминируют какие-то национальные меньшинства («других»). Поэтому они (мы) оказались совершенно неготовыми к тому, что дискриминируемыми («другими») могут оказаться они сами. Я хочу сказать — национально униженными.

Что важнее — жизнь или честь? Выбор тяжкий для каждого, но для народов, для наций такого выбора просто нет, так как для них честь и есть жизнь. Ибо людей объединяет в нацию прежде всего стремление обрести или сохранить достоинство, то есть чувство причастности к чему-то прекрасному, почитаемому и бессмертному или уж хотя бы долговечному, продолжающемуся за пределами их личного существования. Становление наций, по-видимому, не случайно стало особенно бурным именно в эпоху упадка религии, и распад их скорее всего делается возможным не ранее, чем массы обретут какие-то новые формы утоления важнейшей экзистенциальной потребности — потребности идентифицироваться с чем-то великим, почитаемым и долговечным, что почти невозможно представить без пышной родословной и чарующей перспективы, какие изобретает для себя каждый народ в своих грезах в периоды национального подъема.

¹ Писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Колочий треугольник» и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

А до тех пор национальные унижения будут переживаться гораздо более мучительно, чем личные, ибо чувство социальной ничтожности, которое пытаются в нас заронить наши недруги, почти каждый из нас имеет возможность компенсировать в кругу друзей, тогда как те, кто посягает на наше национальное достоинство, стремятся отравить само лекарство, для большинства едва ли не единственное, которое способно хоть отчасти смягчить ощущение экзистенциальной заброшенности. А потому самый решительный шаг к распаду Советского Союза сделала в свое время наша родная коммунистическая партия, присоединив к торговле нефтью и пушниной торговлю национальным достоинством: когда сургутский нефтяник, камчатский рыбак и воркутинский шахтер увидели на дверях валютного бара табличку «Только для белых», они поняли, что страны, где их уважают, больше нет.

Каждый народ может существовать лишь до тех пор, пока ощущает себя избранным, хотя бы в собственном воображении (впрочем, никакой другой избранности не бывает). А тот круг народов, внутри которого существует согласие об их совместной избранности, сегодня по-видимому и можно назвать пышным словом «цивилизация».

Я наглядно ощутил это несколько лет назад в Новом ковчеге Франкфуртской книжной ярмарки. Пока идеологи евразийства еще только грезили о евразийской цивилизации, организаторы уже приступили к ее практическому конструированию. Необозримый ангар, в котором был отведен участок для России, заполняли следующие страны: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Белизе, Бенин, Босния, Ботсвана... В латинском же написании Россия с соседями выглядела так: Romania, Russia, Rwanda... Территориально же нашими соседями были Иран, Ирак, Турция, Индонезия...

Наверняка нас всех объединили просто по территориальному признаку, но ведь именно так и было сконструировано большинство колониальных наций, в том числе и упомянутая Индонезия, являвшая собой до прихода колонизаторов труднообозримый конгломерат островов, племен, языков и языков. Ее, как и многие другие будущие государства, включили в единую структуру чужеземные владыки — и что же? Через самый короткий в историческом масштабе срок возникло пассионарное ядро мечтателей, сочинивших и поверивших в некую единую родословную, в некий возвышенный и трогательный образ современной *их* нации, в чарующую историческую перспективу... Словом, возникла национальная греза, создавшая народ, уже способный подняться на борьбу и победить в мучительной войне.

Как нарочно, именно на Франкфуртской ярмарке я прочел роман главного российского сиониста Владимира Жаботинского «Самсон Назорей», в котором автор изобразил чувства еврея, пытающегося выйти из гетто, чтобы сделать своим в более высококультурном и могущественном обществе: неотесанные евреи в романе приезжают к изысканным филистимлянам на некую «декаду дружбы», питая к хозяевам смешанные чувства полунасмешки-полувосхищения, а уезжают, исполненные беспримесной враждой. Нечто подобное произошло и в реальности, когда самая энергичная, одаренная и честолюбивая часть еврейской молодежи попыталась выйти из гетто в большой блистающий мир, в котором их приняли с объятиями не настолько широко распростертыми, как им грезились. Тогда-то Жаботинский и призвал евреев освободиться от унижительной влюбленности в чужую культуру — унижительной влюбленности свинопаса в царскую дочь, влюбленности, обращающейся в ненависть, когда она натывается на пренебрежение возлюбленной. Дело каждой национальной культуры — воспевать собственный народ, а чужие достижения для этого использовать, вместо того чтобы поклоняться им. Это свойственно дикарям — утилитарное превращать в эстетическое, винтовочные гильзы вставлять в уши, тарелки вешать на шею.

Так не пора ли и нам понять, что *всякое* гетто является источником фанатизма и социального прожектерства? Российской элите нужно максимально ослабить территориальную, профессиональную и культурную изолированность хотя бы наиболее многочисленных и пассионарных национальных меньшинств. Памятуя, что соблазн разрушает национальное единство гораздо более надежно, чем угроза. Которая, если только она не достигает масштабов геноцида, как правило, лишь стимулирует изоляционистские национальные грезы.

Исторический опыт показывает, что до самого последнего времени (а достижения мультикультурализма пока что заключаются главным образом в обещаниях) народам удавалось жить в относительном мире лишь в тех домах, у которых был могущественный и расчетливый хозяин — имперская или национальная элита уверенного в себе большинства, которая одних ассимилировала, а других разделяла и над всеми властвовала, соблазняя потенциальных лидеров национальных дви-

жений индивидуальными карьерами внутри имперского тела за пределами их национальных гетто. Поэтому вместо того чтобы раздражать русских упреками в недостатке толерантности (страх за свое национальное достоинство, национальное достояние рождает гнев абсолютно рефлекторно у всех народов без исключения), было бы неизмеримо более мудро укреплять в них уверенность, что их достоянию ничто не угрожает: толерантность — миссия сильных и уверенных, слабые, испуганные не бывают толерантными. А для культурного и политического доминирования русских и в самом деле пока что нет никакой серьезной угрозы. Национальные меньшинства внутри России пока что не посягают ни на отдельную территорию, ни на отдельную долю во власти, ни на государственные права своего языка или собственного образования.

Вековая история прорыва из гетто российского еврейства заставляет задуматься о проблеме, грозящей сделаться куда более масштабной. В последние годы обитателями некоего гетто на обочине «цивилизованного мира» начинают ощущать себя уже не евреи, а русские. При этом намечаются ровно те же способы разорвать унижительную границу, которая ощущается ничуть не менее болезненно даже в тех случаях, когда она существует исключительно в воображении (человек и может жить только в воображаемом мире). Первый способ — перешагнуть границу, сделаться большими западниками, чем американский президент. Второй — объявить границу несуществующей: все мы, мол, дети единого человечества, *безгранично* преданного общечеловеческим ценностям. Третий — провозгласить свое гетто истинным центром мира, власть в экзальтированное почвенничество. И четвертый, самый опасный, — попытаться разрушить тот клуб, куда тебя не пускают.

В истории Нового времени самые ужасные вещи творили сильные, вообразившие себя слабыми. Реальную опасность фашизма создает не голод голодных (голод ее только обостряет), но слабость сильных, разумеется, воображаемая. И одна из задач западного мира заключается в том, чтобы в воспитательных целях всячески подчеркивать могущество России. Но эти мудрецы, мерами строгости уже вырастившие Ленина, Сталина, Гитлера и Муссолини, вряд ли способны понять: строгость, даже обоснованная, неизбежно укрепляет стены национальных гетто. А вместе с ними — нескритичность и утопизм.

Поэтому мы должны позаботиться о себе сами. Прежде всего нам нужно освободиться от желания кому-то нравиться — как этого и требовали от евреев первые сионисты. Но причастность к вечности и хотя бы не слишком редкие восхищенные взоры мирового сообщества все же необходимы каждому народу. Однако и то и другое создается прежде всего научной и культурной аристократией. Укрепление и развитие национальной аристократии и является наилучшей профилактикой ксенофобии. Когда имена и достижения русских ученых, музыкантов, режиссеров, писателей, инженеров (равно как спортсменов и предпринимателей) будут почтительно повторять на международной арене — только тогда в России и начнет слабеть

то опаснейшее для всего человечества ощущение, что западный мир сговорился держать нас на ролях второго сорта.

Кто спорит, повышение уровня и качества жизни наиболее обделенных — важнейшая гуманитарная и государственная задача. Но создание условий для развития наиболее одаренных есть вопрос национального выживания. Поэтому одним из важнейших национальных проектов России становится производство гениев. Это бескорыстная поддержка самых талантливых

и романтических, широчайшая сеть школ для одаренных детей, особенно в провинции, и предельный простор для творчества, когда они вырастут, ставка на долговечность, а не на пресловутую «эффективность», выраженную, разумеется, в рублях, как это только и делается у лавочников и лакеев, для которых не бывает великих людей.

И, конечно же, постоянное прославление творцов, а не шутов и прохвостов, ныне пирующих на государственном телевидении.